

Душа опоминается от прозы

ПОЭЗИЯ

*Владимир
Леонович*

* * *

Вещей священный распорядок
в житейский хаос превращён.
Мой век земной обидно краток,
но властью Долга облечён.

Она неявна и безвестна,
в заботах малых без конца...
Но ставить надлежит на место
Стол, стул, лжеца и наглеца

незамедлительно и прямо.
Так действует пружинный спуск.
Так выгонял менял из Храма
под зад коленом Иисус.

Лотки с товаром богомерзким
круша и повергая в грязь,
на греческом и арамейском
победоносно матерясь!

Апостол

Была Гражданская война,
и рассудительные люди
воздвигли памятник Иуде
на все века и времена.

Апостол каменно и тяжело
восстал на площади Свяжска,
являя миру без вранья
глубокий корень бытия.

Предай, продай, и дело чисто.
За что ж великого марксиста
снесла предательская власть?
Безмерно Волга раздалась,

и городишко островной
совсем безвиден и безлюден,
лишь призрак монумент Иудин
над ним, над Волгой, над страной...

Я впал в нечаянный восторг,
прочтя безвыходное МОРГ
налево справа: вышел ГРОМ.
Прекрасно! Значит, поживём.
Какое золотое средство
нам дарит мудрое еврейство!
У Чёрной Сотни есть мотив:
кто на Руси жидолюбив,
тот ненавистнее жида –
дак это я ведь, господа.
Есть любопытное преданье
про ЧИСТОРУССКОЕ собрание
коллег, отмытых добела:
не выпив, встал из-за стола,
услышав про жидомасонов,
Андрей Платонович Платонов
и, обернувшись у дверей,
сказал: Простите, я еврей.

Шаг вперёд

Я шагнул ей навстречу. Она
замерла и на шаг отступила,
потому что смертельная сила
иногда против нас не сильна.

На мгновенье, как будто, смешалась...
Но последние несколько дней
ОТСТУПАЯ ОНА ПРИБЛИЖАЛАСЬ.
Уж такая повадка у ней.

А сегодня ни с места. Стоит,
распахнув костяные объятия.
Вот обнимемся – окостенит,
и конец. Оцените, собратья,

эту пару. А вам, сыновья,
оставляю в наследство, в науку:
ШАГ ВПЕРЁД. А не сыну – так внуку.
Для характера. Для бытия.

Сергей Бессмертный

В начале утра было Слово:
бригоголовые ребята
под управлением комбата
орут речовку Михалкова.
И я ослышался едва ли,
когда из рыканья и гарка:
Умрём за Русь и Патриарха! –
такие гуси выплывали.
Маэстро ведал, но не выдал
национальную идейку:
Умрём, ребята, за копейку!
В гробу, ребята, вас он видел.
И я сижу на скверной лавке
и разрушаюсь в ветхой коже:
Тебе-то что! А я-то дожил
до этой гнусной переплавки...

Долгий звук

Вот после мусорного дележа,
мою испытывая душу,
побольше бомж бьёт меньшего бомжа,
как бьют боксёры кожаную грушу.

(И груша обнаруживает ритм –
в ней скрытый скоростной пиррихий плотный,
биясь-отскакивая РАЗ и ТРИ,
и ПЯТЬ – с отрывистостью пулемётной.)

Большой ударит, плюнет, подождёт,
а бомжик, принимающий удары,
лишь молча в сторону башкой мотнёт,
достойный, может быть, и худшей кары.

Однако справедливость или месть
не могут быть столь явно безобразны,
и мне бы сразу в это дело влезть,
а я стою как соглядатай праздный.

Вот малый избиваемый упал.
Большому парой воздано заушин.
Меньшого поднимаем – еле встал.
Домой... А дома ты уже не нужен.

Дверь заперта. Оттуда: Гад такой!
Пошёл!.. И детский рёв, и мат подробный.
Лежи в крови, под дверью... И с тоской,
какой-то раковой тоской утробной,
сказав «прости» избитому бомжу,
из нищего барака выхожу.
Иии БОММЖЖЖШшш!..
И долллко держит звукггустой
ПОЗОРНЫЙ КОЛОКОЛ Руси Святой.

Не опоздай к концу

92

От тараканов озверелых
в сиротском доме престарелых,
от старости и от тоски
одно спасенье – Соловки.
В деянии простом и важном,
в оранжевом ремне монтажном,
на исчезающей черте,
на колокольной высоте –
скользи, скользи, канатоходец:
весь полон высоты колодец.
Неволю жизни отлюбя,
не опоздай к концу. Сегодня
ты в руки предаёшь Господни
трудоспособного себя.

Тринадцать пуль отлей мне, оружейник!

Г. Табидзе

Лесная родина. Июль.
– Галактион, семнадцать пуль
в моей груди сорокалетней!
Какая жизнь – хоть не живи,
опять предвестие Любви –
всегда великой и последней...
– Какое счастье, милый мой!
семнадцать пуль. Как жизнь прекрасна
и в час последнего соблазна,
когда достаточно одной.
– Беда, беда, галактион:
леса горят и сохнут реки.
Ты видел буйный лес знамён,
а я – обугленные древки.
– Семнадцать раз переживи.
ЦАМЕБА* – помни эти звуки.
Лес на огне. Храм на крови.
И всё и вся – на смертной муке.

---

* Цамеба (груз.) – мука, страдание (праведные).

Дочери Кате

Опилочная каменеет грязь,
и дремлют на приколе лесовозы.
В лесу свежо и тихо. Ободрясь,
душа опоминается от прозы.

Ломаю звонкий утренний ледок.
Октябрь, ноябрь. Серебряной порою
я наконец-то ничего не строю,
не затеваю. Нероботь, ходок.

Слежу, как льдом становится вода,
торчу над замерзающею лужей,
соображая битый час досужий,
как трудится внутри изнанка льда,

где в анкерные стяжки и прожилья
воплощены разумные усилья
и чёрно-белый ледяной витраж
Катюшке в Рим пошлю – такая блажь.

